

К с е р г е и К р а с н о б о р о д

Сергей Краснобород
Где-то рядом... Стихи

«Издательские решения»

Краснобород С.

Где-то рядом... Стихи / С. Краснобород — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938307-5

Опытные ювелиры знают: стоит лишь слегка изменить углы огранки — и самоцвет преображается. Причём для выявления красоты каждого — своя форма. Характер дарования Сергея Красноборода оптимален для лирики духовной. Именно этот жанр, словно линза, концентрирует философский потенциал, рассеянный абсолютно во всём его творчестве.

ISBN 978-5-44-938307-5

© Краснобород С.
© Издательские решения

Содержание

Наталья Иванова. В поисках неба	6
Авторское оправдание	10
«Незамеченный, не замешанный...»	11
ЧАСТЬ 1	12
«Я похож на усталого странника...»	13
Прибежище	14
«Стучится античность стихами французских поэтов...»	15
Перерождение	16
Паломник	17
Сон	18
По следам Эдгара По	19
Язычник	20
Пространства мистики	21
Начало дня	22
Лестница в небо	23
Неведомому Богу	24
Чаша Грааля	25
Молитва	26
Капканы	27
Песня гусяра	28
Возвращение	29
Дорожная песня	30
Расплата	31
Старушка-жизнь	32
Бирюк	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Где-то рядом... Стихи

Сергей Краснобород

Художник Сергей Тихов

Редактор Сергей Жиленко

© Сергей Краснобород, 2020

ISBN 978-5-4493-8307-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наталья Иванова. В поисках неба

Где-то, среди обыденной суеты, в которой все мы погрязли, в обычном доме, в обыкновенной квартире – в общем, где-то рядом с нами живёт необыкновенный человек – Сергей Краснобород. Паранормальным является то, что время от времени ему открывается некий смысловой портал – из серых будней – в феерический мир поэзии. Будто бы материализуется, обретая объём и глубину, пейзаж с загадочным замком и благоуханными садами, что висит на стене малогабаритной квартиры, оклеенной унылыми обоями. И с нами вступает в контакт неведомо как заплутавший в лабиринтах пространства и времени странник.

*Я похож на усталого странника.
В старом замке ворота скрипят...*
(«Странник»)

Какова природа поэтического вдохновения? Что является стимулом, «спусковым крючком» творчества? Конечно, это сугубо индивидуально. Многие стихи Красноборода – рассказ о метаниях по грешной земле. («Танцовщица», «Бомж», «Памяти Славы Емельянова», «Памяти Семёна Цедиковича», «Сторож», «Окружающее», «Выборы» и многие другие.)

*Как, наблюдая социопсихоз,
в нём не увязнуть, словно воз в болоте?!*
(«Окружающее»)

Круговерть быта не даёт ощутить величие бытия. Вместо сакрального чтения Книги Судеб – копание в корзине с грязным бельём. Лирический герой Красноборода – из той среды, где

*рождённые меж двух миров
без веры, без корней,
мы пьём отравленный сироп
нормированных дней.*
(«Маргиналы»)

Этот узнаваемый типаж – наш современник, человек, живущий в городе, но статусом горожанина тяготящийся и рвущийся из заточения в тесном крупнопанельном миреке.

*По кухням тайно бродят тараканы.
Экраны манят в райский идеал.*
(«Эклектика»)

Значительная часть творчества Красноборода – городская лирика, но назвать его поэтом-урбанистом нельзя. Стихия современного мегаполиса чужда его творческой природе. Хитросплетения улиц и железобетонных громад воспринимаются как абсолютно чуждая, враждебная среда – как «городское насилие» над душой поэта.

*В декабре под окнами коты
От мороза будто бы взбесились.*
(«Декабрь»)

За непрерывным мельканием будней автор прозревает лик Смерти, которая, примеривая разные личины, не устаёт напоминать о неизбежном конце всего сущего.

*Всё будет, как есть... Мы уверенно движемся к смерти.
Что слова говорят? И о чём несказанье молчит?
(«Искажения»)*

Разрабатывая одну из вечных тем, автор проявляет себя как подлинный мастер философской лирики, создавая стихи, исключительные как по глубине размышлений, так и по мощи трагического звучания.

*Священных тайн врата закрыты...
Но что есть мир? И что есть я?
В сиюминутной страсти быта —
Вся бесконечность бытия.
(«Дао»)*

По сути дела, здесь даже не идёт речь об эскапизме – бежать некуда. «Сердечная тоска» практически не заглушается краткими всплесками «разгула удалого». Выхода из тупика будней нет. Пытаясь найти отдушину в природе, лирический герой всё же не может полностью раствориться в созерцании неповторимого мгновения. Вечные вопросы смысла жизни и конечности земного бытия не снимаются с повестки ни при каких условиях. Проникновенные, виртуозные стихи о природе проникнуты всё той же неуёмной грустью и тревогой. Автор никогда не говорит прекрасному мгновению: «Остановись!», непрерывно ощущая себя в потоке беспощадного времени.

*Зелёный лук, редис и огурец...
У майского салата вкус восторга.
И кажется, что не придёт конец
И жить на свете будешь долго-долго...
(«Май»)*

В стихотворении «Гроза» нет упоения благодатным августовским дождём, столь желанным после изнуряющего зноя. Дробь капель – лишь напоминание о грядущих холодах.

*Прильнув к оконному стеклу, приятно слышать,
как барабаныт капли по листве,
как ветер жалобно скулит под крышей,
и вспоминать о скорой уж зиме...
(«Гроза»)*

Поэт, по сути, не живёт «здесь и сейчас». Он весь – либо в размышлениях о прошлом, либо в предчувствии будущего. Он – ГДЕ-ТО РЯДОМ...

*Потом придут похмелье и подсчёт
упущенных возможностей и сроков.
(«С крыши вода течёт»)*

«Memento mori»* никогда не переходит в «carpe diem»** – вечная тема «помни о смерти» не интерпретируется как призыв радоваться жизни. «Memento mori»* никогда не переходит также в «моно но аварэ»*** – любование ускользящей красой бытия, растягивающее миг до вечности и позволяющее в нём раствориться. Это всегда повод обратить свой взор к небесам в поисках духовного.

Опытные ювелиры знают: стоит лишь слегка изменить углы огранки – и самоцвет несказанно преображается. Причём для выявления красоты каждого – своя форма. Характер дарования Сергея Красноборода, на мой взгляд, оптимален для лирики духовной. Именно этот жанр, словно линза, концентрирует философский потенциал, рассеянный АБСОЛЮТНО во всём его творчестве. Квинтэссенция поэзии Сергея Красноборода – стихи, наполненные духовными озарениями («Ода чтению», «Начало дня», «Лестница в небо», «Неведомому Богу», «Чаша Грааля», «Молитва»). Душа поэта, будто трепещущий на ветру стебель вьюнка, стремится на родину – в синее небо.

*Когда луна карабкается в небо,
Чтобы завесить чёрную дыру,
Я вспоминаю родину, где не был
Я прежде никогда – в ином миру.
(«Прибежище»)*

Примечательно, что и феерия праздника для поэта – это, прежде всего, расцветающий в поднебесье салют, которым любуются, «прижавши лица к небесам».

*В вечернем небе червячки огней
ползут и исчезают в разноцветье.
(«Фейерверк»)*

«В экстазе воздержания от суеты» лирический герой обращает взор к Священному Писанию, обретая мир в душе и познавая благодать христианской мудрости.

*Я вечные стихи читаю верным взглядом.
Тоска затеребит лукаво кровь.
Мне много нужно и немного надо —
Покой и воля, вера и любовь.
(«Июльский эскиз»)*

Лишь только «читая Книгу, вечную, как небо», поэт ощущает, что «дневная суета становится нелепой пред благодатью чудных тех стихов».

Магистральная линия творчества Красноборода – именно философская. Несмотря на множество «житейских» сюжетов, автор весьма далёк от бытописательства. Даже стихи о природе нельзя отнести к пейзажным – концентрация мысли всё равно переводит их в ранг философской лирики. До боли знакомые реалии – лишь исходный материал для глобальных размышлений о непреложных законах бытия... И для чудесных стихов. Их источник – наша с вами повседневность – люди, вещи и события, что имеют место здесь и сейчас... Где-то рядом...

*Наталья Иванова,
Член Международного союза писателей и мастеров искусств.
Член Российского союза профессиональных литераторов.*

* (Лат.) – помни о смерти.

** (Лат.) – (букв.) срывай день, призыв радоваться жизни.

*** (Япон.) – печальная красота вещей, красота с лёгким привкусом меланхолии.

Авторское оправдание

Эпоха у нас сейчас быстрая и шумливая. Поэтому любое проявление естественной самодостаточности – будь то одиноко стоящее в поле дерево или живущий на дальнем хуторе пасечник – вызывают у окружающих, чаще всего, вначале недоумение, а потом и раздражение с потаённым вопросом: почему? Древние греки называли людей, не участвующих в общественных процессах, идиотами. Наше беспокойное время, вдохновлённое теоретическими выкладками разномастных исследователей «человеческого материала», давно и логично перевело это определение в терминологию психиатрии. А тяга к познанию помогает и дальше дробить любое целое на множество мельчайших составных частей – чтобы удобнее было применять закон «разделяй и властвуй».

Как в навязчиво громкоголосом бедламе сохранить покой и душевное равновесие?

Иногда мне помогали это делать стихи. Может быть, для кого-то они тоже станут отдушиной...

Сергей Краснобород

«Незамеченный, не замешанный...»

Незамеченный, не замешанный
я по этой земле пройду.
Столько слов на язык понавешено,
только нужного не найду.

Мимолётное состояние
промелькнёт, как и жизнь сама.
Неосознанного всезнания
бессловесность сводит с ума.

ЧАСТЬ 1

«Я похож на усталого странника...»

Я похож на усталого странника.
В старом замке ворота скрипят.
Дождь проходит ворчливым охранником.
Гости спят, и хозяйева спят.

Стены имя мне шепчут призрачно.
Тени трутся. Чадят факела.
Коридорами мается бог ночной,
обнажившийся догола.

Я попал сюда мрачной осенью.
Пью вино и смотрю в глаза.
Старый граф с волосами с проседью
был знаком мне два века назад.

В келье раму оконную трогаю.
На фамильном гербе – слеза.
Я попал сюда странными тропами.
И забыл дорогу назад...

Прибежище

Когда луна карабкается в небо,
чтобы прикрыть собою чёрную дыру,
я вспоминаю родину, где не был
я никогда – в ином миру.

Мифическим преданием обернуться,
пустой строкой, созвучием странных нот,
чтобы опять на родину вернуться,
как зрителю в прошедшее кино.

Там пепел грёз и угасанье чисел.
Там ласки трав и их немой покой.
Прибежище милее всех отчизен,
куда стремится дух в стенании с тоской.

И тело устает моё лелеять
нездешних сил неудержимый зов.
Когда ползёт луна собой дыру заклеить,
истоки постигаю я с азов.

«Стучится античность стихами французских поэтов...»

Г. Аполлинеру

Стучится античность стихами французских поэтов.
И птицы, летящие спинкою вниз,
в небе свивают гнезда.
Седой океан качает безвременье где-то.
И Улисс ещё верит,
что возвращаться не поздно.

А в диком лесу Буковины,
в норе, под навязчивым снегом,
волчата сосут молоко обзлённой волчицы.
Она же мечтает
для Нового Рима вскормить человека.
И схватка с Шерханом которую ночь ей снится...

Перерождение

Любовь слепа, а жизнь
безрадостна и нервна.
Таскают муравьи по норам чёрствый хлеб.
В погоне за Тельцом шагают мулы мерно,
погонщиков свозя в печально мрачный склеп.

Там Обезьяний Бог,
проверив ноги, зубы,
карандашом на лбах рисует ярлыки
и стражу громко подзывает в рупор,
поплёвывая на пол сквозь клыки.

Потом конвейер тёмным коридором
везёт задумчивых, замученных, нагих.
И бездна предстаёт их безразличным взорам.
И в бездне кануть заставляют их.

Чтобы души нетленные частицы
к другим примкнули, образуя твердь.
Всё этой тверди смиренно покорится —
и мутный хаос, и тупая смерть.

Но призрачный туман строение разъедает —
витают души в едкой пустоте.
Упорный Ангел в сеть их собирает,
вселяя снова в оболочки тел.

И так в безвремении, в безведении, в старении...
Любовь слепа, а жизнь насилует тоской.
В труде находят муравьи забвение.
В погоне мулам видится покой.

Паломник

Лаская посохом дорог святые камни,
бредёт паломник следом за ослом.
И в предрассветной матовости канут
и звук, и образ, и величие слов

произнесённых проходящим старцем
у входа в дом, где ночью снова Смерть была:
«Доколе здесь ты будешь оставаться?
Уже ли мало жизнью испила?»

И вслед ему жестоко и ехидно
лицо смотрело с искажённым ртом.
И было в матовости предрассветной видно,
как чёрный силуэт проник в соседний дом.

Сон

О чём этот сон?..

Он проснулся в угаре смятения:

будто всадники скачут, и вороны кличут беду.

Будто стелются травы ковром, ожидая затмения
одинокого Солнца – так называли Звезду.

Он проснулся и осторожно – до боли —

нёс испуг на дрожащих руках толкователю снов.

И узнал... И склонился смиренно пред волей
осязающих горечь грядущего ласковых слов...

Дома стряпали кушанья в ожидании праздника.

Пахло тестом и земляникой. И он простонал:

– Дайте хлеба насущного немощным странникам! —

И, раздавая, до сумерек у церковных ворот простоял.

Измощённый, разбитый, он слушал дыхание вечера
и боялся принять возвращение покоя украденного.

И вспоминал молитву, которую так недоверчиво
когда-то небрежно прочел в бабушкиной тетради...

По следам Эдгара По

*И вышли жабы, и покрыли землю Египетскую.
Исх. 8—6.*

Я, мудрый По, листаю фолиант
в полночном и немом уединении.
Безбрежие эпох и тайны дивных стран
мне будоражат разум с упоением.

И ворон чёрный с вечным «Никогда!»
мерещится в любом углу кромешном.
Неодолимо он зовёт туда,
где властвует покой – безмолвный, вечный.

И вдруг на стол, на желтизну страниц
взбирается урод зелёный – жаба! —
и жутко смотрит дырами глазниц,
расставив перепончатые лапы.

От ужаса почти оцепенев,
взираю на болотного пришельца.
И холод замогильный по спине
крадётся, проникая прямо в сердце.

Откуда? Кто? Зачем тебя послал?
Такая шутка жизни стоять может...
Но жаба замерла, как будто приросла
к странице бородавчатой кожей.

И в горле громоздится тошнота.
Реальное становится бесцветным.
В мозгу одно лишь слово – «Никогда!» —
пульсирует навязчивым ответом...

Остановилось время. Гаснет жизнь.
Немеют руки. Воздух полон яда.
Я, мудрый По, фантазии служил —
и вот она сидит передо мною рядом.

Я тихо чахну, глядя в пустоту
её глазниц. Меня съедает бездна...
В полночной тишине по книжному листу
скользнула тень – и навсегда исчезла.

Язычник

Отверженный терял следы
на утренней росе.
И всё мерещилось: кресты
сжигают на Руси.

Он талисманом нёс обет
не разжимать перста,
готовый к истовой борьбе
за веру без креста.

Оскалились цепные псы,
нанюхавшись крови.
Испив языческой росы,
он веру окропил...

Но поздно! Выжигали лес,
чтобы наверняка...
А он кричал и всё же лез
в огонь. И на века

покинул тело, сам из тех,
кто веру укрывал.
Ночами выла в темноте,
перста не разжимая, тень.

Надгробные кресты он тщетно вырывал
и проклинал:
– Не то! Не те!..

Пространства мистики

Пространства мистики разнообразны.
По ним скитаться – наслаждение одно.
То Вий пройдет походкой несуразной,
а то Русалка позовёт на дно.

В огне простонет нежно Саламандра.
Меркурий потеряет два пера.
Орфею Голем напевает мантру.
Гермес метёт окурки со двора.

При деле все – и Яхве, и Атланты...
Лишь праздный человеческий ум шалит —
не сыщет применения таланту!
За что, в конце концов, и будет бит

мистическими розгами. Однажды
безверье мутное накличет крах.
Тогда поймём, что важно, что не важно...
А впрочем, это тоже – суета и прах...

Начало дня

Мой быт неприхотлив. Писательство убого.
И время льётся лаской дождевой.
Но по утрам в тиши прошу смиренно Бога
благословить и день, и хлеб насущный мой.

Читаю Книгу, вечную как небо,
где притчи живы мудростью веков.
Дневная суета становится нелепой
перед благодатной магией стихов...

Услышь, Господь, зовущий каждый голос!
И каждому воздай по вере и делам!
Святая Книга праведным глаголом
врачует души неумным нам.

Лестница в небо

И увидел во сне: вот лестница стоит на земле, а верх её касается неба.

Быт., 28—12

Я видел путь, которым не пройти.
Восходят к небу души той дорогой.
Бродяги-сны сетями паутин
меня влекли в тот мир, где нет тревоги.

Кто жаждет сна, тот обретет покой.
Кто Бога звал, к тому Он отзовется.
Я камень положил нетвёрдою рукой
к ступеням лестницы в обитель Бога-солнца.

Взойти ли самому? Запретный сладок плод...
Я лишь дары сжигаю ритуально.
Но путь увиденный чарует и влечет.
И сон грозит перерасти в реальность...

Неведомому Богу

*Жертвенник, на котором написано «неведомому Богу».
Деян. 17—23*

Не жертвы, но иной живительной улады
просил неведомый и неделимый Бог.
Он милость даровал своей наградой,
но был внимателен, неумолим и строг.

Всему свой час, свой срок, своя расплата.
Гордыню пестуя, не обрести покой...
Взирает Пастырь на слепое стадо
и гонит сквозь безмолвие веков.

Душа заблудшая приемлет обреченно
обузу тяжкую рожденья во грехе
и мечется в неведении прощённом,
и жертву воздаёт протянутой руке.

Чаша Грааля

Последний раз испив, Христос поставил Чашу.
Сидели братья за одним столом.
Он знал итог, знал сроки, имя даже
того, кому заплатят серебром.

Что предначертано – тому фатально сбыться.
Ни капли в Кубке нет уже вина.
Спокойно солнце красное садится.
Но будет ночь предвечная нежна.

Из Чаши этой выпить кто посмеет?
Слепые ждут. Покорные молчат.
И снова рыцари постыдно не успеют
к очередному взмаху палача.

Святой Сосуд храним для посвящённых.
Искать, стучаться – нескончаем путь...
Последний раз испив, Он думал обречённо,
как напоить всех нас когда-нибудь.

Молитва

Исторгнуть тьму, чтобы родиться вновь...
Кипящий разум, мудростью объятый...
Вселенское Добро, Свет и Любовь
нисходят откровением распятым.

Услышав Голос, ото сна восстать...
Пройти сквозь время по тропе единой.
И в чистоте пред Вечностью предстать
священным воплощением Бога-сына.

Капканы

Приемлемая грань нечаянных поступков
стыдливо тешится у Бога взаперти.
А он надменно посылает духов
того найти,

кто в несказанном фатуме растаял
и уподобился течению воды.
Капканы Бог во всех местах расставил.
И вроде бы уже не избежать беды

вольнoлюбивому юнцу... Но он надменно
лелеет притязания на престол,
сплетая параллельно вдохновенно
свои оковы в образе простом.

Неискушённым битва не понятна.
Лишь отголоски – брызги по воде.
Всё было сказано достаточно понятно.
Осталось выяснить кому, зачем и где...

Песня гусяря

О сколотах песнь забытую
пел молодой гусяря.
«На землю, травой умытую
Богом был послан дар.

Плуг – земле утешение.
Чаша – её молоко.
Секира – чтобы в сражении
её защитить легко...

Народ в уплату за подать Божью
навек смиренным стал...»
Гусяря допел и у подножия
землю поцеловал.

Возвращение

Нахрапом в родные просторы
стремился опальный казак.
Сердечному топоту вторил
в упряжке усталый рысак.

Тоска пограничной заставой
осталась давно позади.
Полей ненасытная страва
да саваном неба сатин.

Раздолье... Но конь спотыкался
всё чаще – и пена ртом.
Надсадно казак засмеялся,
в обрез заряжая патрон.

И жаворонок на выстрел
полётом отметил крест...
Упряжку настигнет быстро
теперь пограничный разъезд.

Дорожная песня

Лихое перепутье дорог-путей.
Хранимы Богом будьте от всех чертей!

Хранимы верой станьте, живучи – в рост!
Смотрители на станциях лишь кривят рот.

У коренного силушка огнём горит.
Седой ямщик исподтишка глоточка три

хлебнёт из фляги – да в рукав. Поёт, стервец!
Дорожка с песнею легка. Когда ж конец?

По тракту вороны кружат. Шальная даль.
Давно намаялась душа. А всё ж не жаль...

Не жаль растерзанных годков ради Христа.
Не жаль растерянный подков – к версте верста.

Расплата

*Детство и юность – суета.
Экл., 11—10*

Кровь горделиво будоражит вены...
Так каждый победителем рождён,
пока Кармический Дракон Вселенной
не примется топтать и поливать дождём

несоответствий, разногласий, спеси...
Тогда смирение нисходит новым днём.
И возрождённый дух свободно весел —
Дракон уж позаботился о нём.

Но кровь бурлит, чтоб ненавидеть слабость.
И победители захлёб веселье пьют...
Иной цена расплаты быть могла бы —
грехи душе покоя не дают.

Старушка-жизнь

Старушка-жизнь с косой и в сапогах
стада на пастбища столетий выгоняет.
В глазах овец – смирение и страх.
Хвостами псы послушные виляют.

Но хищники соседних измерений
полны решимости напасть и унести
энергию души без сожалений.
Старушка продолжает всё ж пасти

достойных нас, понятных и привычных.
Трава столетий услаждает вкус.
И души, отзываясь эхом зычным,
таскают бубенцами тягот груз.

Бирюк

Бирюк – волк-одиночка (нар.).

Мой серый брат, я за тобой иду.
Степной закат мою питает кровь.
Степной закат мне будоражит дух.
Два бога есть – Свобода и Любовь.

Мой серый брат! Надежда – сатана!
Две пары быстрых ног да острые клыки.
Да одиночества жестокая страна,
где облака упрямые легки.

Мой серый брат, пред гордостью твоей
колени не устану преклонять.
И ярость блеска глаз из-под бровей
один закат умеет затмевать.

Мой серый брат, я рад, что ты один.
Твоих богов я слышу голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.